

Станислав Цой

Бездомовцы

Станислав Цой

Бездомовцы

«Издательские решения»

Цой С.

Бездомовцы / С. Цой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835143-3

Рассказы о людях из самых разных социальных групп: бездомных, осуждённых, бизнесменах и научных работниках, с которыми автор рос, учился, встречался. Между всеми есть самые неожиданные связи, о которых они даже не подозревают.

ISBN 978-5-44-835143-3

© Цой С.
© Издательские решения

Содержание

Прописка	6
Бездомовцы	7
Пища	9
Гарсонка	10
Йирка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Бездомовцы

Станислав Цой

© Станислав Цой, 2016

ISBN 978-5-4483-5143-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прописка

Место жительства – обязательный атрибут идентификации личности. Основатель династии чешских князей и королей Пржемысл из Стадице, герой фильма Эдмонда Кеосаяна Буба из Одессы. Так повелось. А у некоторых он даже превратился в фамилию. Илья Муромец – Илья из Мурома.

Постепенно это стало обязательным, и даже признаком благочестивости, уважения к обществу. На деле же инструментом управления разросшимся населением, поддержания порядка. Оформлялось все пропиской.

Мне могут сказать, что это только в СССР и современной России так, но я возражу. Это везде, просто кое-где все происходит в завуалированной форме, по-европейски, так сказать. Учет нужен всем, а уж россиянам тем более.

Сегодня человека, не имеющего постоянного места жительства называют бомжом. В Чехии – бездомовцем. Мне кажется, это более точно и менее оскорбительно.

Конечно, постоянное место жительства и собственность на жилье вещи разные, но, если вдуматься, вероятность стать бездомовцем ниже там, где большее число собственников жилья. В той же Москве 90% людей имеют жилье в собственности, а в Германии около 47%.

На постсоветском пространстве вообще доминируют квартирные собственники и владельцы иного жилья. Это им предоставило ненавистное социалистическое государство как компенсацию за эксплуатацию и моральные притеснения. Интересно, а дали бы США, Германия или та же Франция? И сколько лет надо работать? Я отвечаю – не менее тридцати.

И все же бездомовцы разные. Можно быть бездомовцем, при этом владеть элитным жильем в Москве, Лондоне, Париже. Можно ничем не владеть и не быть бездомовцем.

Есть такой ряд: дом, род, родина, Отчизна.

Бездомовцы

Я не люблю слово бомж. И не потому, что это аббревиатура, просто оно не отражает сущности объекта, сводит все к одному – отсутствию определенного места жительства. В этом случае лучше подходит чешское «бездомовец», человек, лишенный жилья. Менее унизительно.

Давно не был в Москве, но в мой последний приезд глаза не резануло обилие этих неопрятно одетых, грязных людей, даже на «Трех вокзалах», а вот в Праге они всегда на сцене. И в центре, и рядом с ним, к примеру, во Вршовицах.

Здесь они облюбовали сквер перед костелом святого Вацлава, который являет собой великолепный пример раннего конструктивизма в выверенных пропорциях, соотношения с окружающими строениями более ранней постройки. Попастъ в костел можно по двум центральным широким лестницам, в основании первой из которых разбит розарий. Эта лестница состоит из левой и правой частей, разделенных альпинарием и лавками.

Симметрично по обе стороны высажены группы деревьев: одинокие вишни, а за ними платаны, образующие кронами шатры, укрывающие от зноя и даже мелкого дождя. Сегодня в сквере высаживают деревья в честь каждого новорожденного жителя микрорайона. Так что ежегодно зелени прибавляется.

Растет и число бездомовцев. Первое время я их даже не замечал. Но однажды поздно вечером, прогуливаясь со своим псом, увидел спящего на верхней лестничной площадке, прямо под памятной доской о погибших здесь во Вторую мировую людей, человека. Под головой у него был рюкзак, спину подпирала большая клетчатая сумка, а сам он удобно расположился в спальном мешке. Утром его и след простыл.

Вскоре я стал обращать внимание, что здесь каждую ночь кто-то спит. Вечером на ступенях сидит молодежь, парочки, а на ночь их сменяют бездомовцы. Бари нашел их лежки и в зарослях, и среди причудливых сплетений туи, где были одеяла и тонкие матрасы. Все это то появлялось, то исчезало.

Так случилось, что наш с Бариком распорядок изменился, и мы чаще стали совершать длительные прогулки в дневное время. Летом, конечно же, жарко, но осенью и зимой есть возможность зацепиться за уходящее солнце. Эти перемены позволили ближе познакомиться с бездомовцами.

Среди постоянных обитателей Чехова намести есть высокий, плотно сложенного человек, возраст которого трудно определить из-за обильной и спутанной растительности. Его волосы на голове и борода сплелись в серый клубок, из которого торчит мясистый нос, на котором балансируют очки в стиле «а ля Леннон».

Он по обыкновению восседает на скамейке в верхней части сквера и часами читает книги, не газеты или журналы, а толстые книги. Его принадлежность к бездомовцам выдает одеяние и грязные руки, а также присутствие клетчатой сумки огромных размеров. Иногда он попивает пиво. Про себя я окрестил его Профессором, на большее просто не хватило фантазии.

Мое внимание привлекла и живописная пара. Щуплый мужичок и довольно крупная женщина, своими одеждами напоминающая капусту. Чаще я заставал их за трапезой. Еду женщина извлекала из кучи сумок и пакетов, в один из которых складывала обертки, объедки и салфетки. Вечерами они сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели на проходящие по Московской улице трамваи.

Ночующими их в сквере я видел только один раз. Духота стояла в те дни просто невыносимая, и они, видимо, решили остаться. Малость выпили, и сморило. Бутылка «Божков» валялась тут же, вместе с пивной фляжкой на два литра. Было раннее утро, просто мы вышли пройтись перед сном, и такая картина маслом. Весь мой ночной труд померк. Но я не стал говорить об этом Барику.

Чаще на этих скамейках можно застать двух молодых мужчин, которые стали бездомовцами вследствие пагубного пристрастия к алкоголю. Все признаки налицо, иногда на лице. Источник существования определить довольно просто по тем же сумкам и пакетам, в которых повязывает презренный металл алюминий. Он даже не звенит, а глухо хрипит.

Они основные чистильщики этого места. В дело идет пластмассовая тара, стеклянные бутылки, металлические банки. Поэтому муниципальным уборщикам не сложно раз в два дня опустошать урны, используя мини-грузовички для мусора. Много только собачьих отходов. Но это не означает, что невозможно вляпаться, гуляя по газону. Не все хозяева так чисто-плотны.

Иногда обитатели сквера из категории бездомовцев собираются на скамейках у центральной лестницы. Тогда она становится похожа на лавку железнодорожного перрона. Груда сумок, рюкзаки и пакеты, среди которых восседают колоритные и чумазные личности.

Все это источает резкий и неприятный запах. Собаки обегают компанию, бросая косые взгляды. Их он раздражает во много крат сильнее, чем человека. Бездомовцы разглядывают собак и их хозяев. Однажды Барик удостоился высокой оценки, после того как я удовлетворил их любопытство относительно его породы. Скотч-терьеров в Праге мало, меньше чем бездомовцев.

Когда температура снижается до плюс пяти–десяти градусов, бездомовцы исчезают. Скамейки пустуют. А сегодня на них лег первый снег. Полежал и растаял.

Пицца

И все–таки лучи осеннего солнца другие. Только не надо мне говорить, что они падают под меньшим углом – это оптика, а я о солнечных лучах поздней осени. Тут физика не при чем.

Летний луч испепеляет, норовит проделать отверстие и сквозь него достать следующий лист, и следующий. Шашлык из листьев на солнечном шампуре.

Осенний луч падает и растекается по листу. Тот начинает светиться и проявляет своих соседей, те зажигаются следом. Свет бежит по кроне, как огонек по тлеющей головешке. То тут, то там вспыхнет, да угаснет, словно играет в догонялки.

Я стою в центре асфальтового круга, по периметру которого расставлены скамейки. Под одной валяется смятая пивная банка, возле соседней сиротливо стоят две пивных бутылки. Сегодня ноль градусов по Цельсию. Середина ноября. День отца.

Барик будто ледокол разрезает желтое поле листвы. Она шуршит, как тортуха вдоль борта судна. Мелкие листочки поднимаются вверх и, сделав несколько па, ложатся на место, иные, исхитрившись, падают на спину Барикю. Его морда вся в листве, словно наледь на форштевне. Он в поиске.

Сверху по Словинской идет женщина с пакетом и сумкой. Она сворачивает на аллею, подходит к ближайшей скамейке, ставит пакет и уходит вниз по улице. Мне становится любопытно. Озираясь по сторонам, я подхожу и заглядываю в пакет. Там пластмассовые ведерки. Через прозрачную крышку верхнего виден вареный картофель. Еда. Для бездомовцев. Кому, как не им.

Мы переместились выше по склону, туда, где солнышко. Я целый час сидел и жмурился от удовольствия. На соседнюю скамейку присел пожилой мужчина весь в белом, с трубкой. До меня донесся аромат хорошего табака. Так сидели и курили.

Барик набегался, выяснил все, что ему было надо, и пристроился у меня в ногах. Пора домой. Я встал и посмотрел вниз. Пакет так и стоял. Мы пошли к дому, по пути купили рохлики и собачий корм. На вечер. А о ком–то позаботилась незнакомая женщина. Да воздастся ей!

Гарсонка

Окончательно я перебрался в Прагу в мае. Мой путь лежал из немецкого города Фрайбурга, через Дрезден. Здесь чувствовалось наступление весны, а в конечной точке моего маршрута она уже была полноправной хозяйкой.

Мой друг, конечно же, опоздал, так как не мог долго припарковать машину вблизи Главного вокзала, но, в конце концов, после баталий и бесед с полицейскими, бросил ее недалеко от синагоги. Встретившись со мной, он все время повторял: «Йежушь Марья!», так что мне даже стало неловко за доставленные ему неудобства и хлопоты.

Но все оказалось куда прозаичнее. Адольфа возмущала черствость блюстителей порядка по отношению к нему, старому пражанину с пятидесятилетним стажем. Впрочем, Адик был не прав.

Если бы полицейские удосужились проверить его документы, то с удивлением могли обнаружить, что водительское удостоверение просрочено лет эдак на двадцать, а медицинская справка выдана тогда, когда никто из них еще не родился. Я узнал об этом через год, при других обстоятельствах.

А в тот день мы прямо с вокзала отправились на террасу уютного ресторанчика, что обосновался на подъеме от Подбабы на Ханспаулку. Пильзнер он и есть Пильзнер. Я вспомнил напиток, употребленный залпом в Вальдшуте, маленьком городке на границе Германии и Швейцарии, и вздрогнул. Как можно было! Даже в душе пожалел шесть евро, выброшенных на ветер.

Все время обеда Адольф ненавязчиво, но упрямо, вбивал в мою ошалевшую от весны и свободы голову мысль, что мне не имеет смысла продолжать свое путешествие, и я должен остановиться здесь, в Праге. То ли пива было выпито чрезмерно, то ли мысль Адольфа была единственно верной, но я согласился с его доводами.

Пожив некоторое время в его доме, в компании с вечно озабоченным псом Бади, я перебрался в гарсонку, что в доме напротив Канадского посольства.

Теперь посольство переехало, а тогда над угловым зданием, зажатым улицами Мухова и Под Каштаны, реял огромный красный кленовый лист на белом полотнище. В грозу он так хлопал, словно прачка сошла с ума и пытается высушить исподнее одним взмахом. Приходилось закрывать окно перед сном.

У меня вечные проблемы с определением этажности. Привычка считать ряды окон на фасаде здания здесь не работает. Надо от получившегося числа отнять единицу, так как самый первый этаж чехи называют «приземи». Таким образом, привычный для нас второй этаж превращается в первый. И это не единственное, что не совпадает с нашими представлениями и понятиями, по которым мы живем.

Так вот, гарсонка располагалась на втором этаже типичного пражского дома времен Первой республики, может, чуть более ранних. Я не уточнял. Это жилье для одинокого человека, не обремененного особой тягой к организации своего быта. Восточные народы, чьих представителей в Праге много, превращают такие гарсонки в многонаселенные общежития.

Жилище, о котором идет речь, представляло из себя узкую комнату такой длины, что, несмотря на окно во всю стену, в дальних углах царил полумрак. Конечно, этому способствовало и само окно, не мытое со времен Масарика, и тюлевые занавески, когда-то белого цвета, а сегодня носящие следы дыма от всех возможных сигарет и сортов табака, продаваемых в соседнем магазинчике «Трафика».

Все самое необходимое здесь было. В углу при входе небольшой кухонный уголок с холодильником, душевая и туалет, а под потолком полати. Это, уходящее в небытие слово, обозначает широкую полку для спанья. Наши предки так называли лежанки, устроенные между

стеной избы и печью. Чехи очень любят это сооружение, и его можно обнаружить не только в гарсоньере.

Жить можно было сразу. Есть диванчик, письменный стол и даже лампочки в плафонах. Но после нескольких дней выяснилось, что туалетом пользоваться нельзя, так как это доставляет катастрофические неудобства нижним соседям. Мастер делал криворукий. Я потом познакомился с ним. Но об этом, если представится возможность, в следующий раз.

Ситуацию спасала уборная на площадке, прелесть которой была в старинном сливном бачке, оборудованном цепочкой, на конце которой болталась фарфоровая белая ручка каплевидной формы с тонким узорчатым ободком. Я еле сдержался от акта экспроприации раритета, который напомнил мне о детстве.

Майские грозы в Праге чудесны. Особенность их в том, что происходят они преимущественно вечером и в ночные часы. А утром город умыт и причесан. Судить о приближении грозы можно было по упоминавшемуся канадскому флагу. Как только он начинал хлопать, я усаживался у распахнутого окна и ожидал первых крупных капель, треска молнии и раскатов грома.

Где-то за углом, метрах в ста, кипела жизнь, люди спешили укрыться в метро или перебраться с террасы в помещения ресторации. Кто-то нетерпеливо ожидал автобус, а тот стоял в десяти метрах от остановки, строго соблюдая график подачи транспорта на линию.

Отсюда он потянется, описывая дугу, на Боржеславку. Мимо Пушкинской площади, железнодорожного полустанка Бубенеч, вверх на Ханспаулку, где в собственном доме живет Адо, а потом снова вниз уже на конечную. Это займет минут тридцать, а мог бы и прямо по Европской. На это ушло бы минут семь-восемь.

Местоположение было неоспоримым преимуществом гарсонки, как и то, что она принадлежала Адольфу. Правда, позднее выяснилось, что эти квадратные метры являются объектом непримиримой войны моего друга с новыми хозяевами дома. Если квартирный вопрос испортил москвичей, то почему бы ему не испортить и пражан. Но я все равно на стороне Адольфа. Он мне друг, и истина здесь роли не играет.

Пока одни чехи со словаками строили социализм, а другие боролись с коммунистической идеологией, Адольф тренировался и готовился к жизни при капитализме. Он приобретал необходимые навыки, а вместе с ними и недвижимость, цена которой в те годы была просто, как оказалось, смешной.

При этом Адику хватило ума сохранить за собой гарсонку, полученную от государства за многолетний труд в народном хозяйстве, в виде прописки по этому адресу. Но бывал он там редко, разве что по холостяцкой нужде. В конце концов там поселилась одна из его подружек, пребывание которой отразилось на всем ходе последующих событий.

Когда стало понятно, что строительство нового общества превратилось в долгострой, практичные чехи развелись со словаками, и каждый пошел дальше своим путем. Объявили реституцию. Это возвращение незаконно отчужденного имущества бывшим владельцами или их наследникам. И не вина, а беда Адика, что капитализм пришел так поздно, когда голову уже покрыла седина.

Никакого наследства Адольфу не светило, но и не нашлось претендентов на дом, где находилась гарсонка. И он решил прикупить эту интересную во всех отношениях недвижимость. Однако, под влиянием непреодолимой силы Адольф покинул Прагу на несколько лет, а когда вернулся, то обнаружил, что соседи с первого этажа оказались шустрее, и, объединив усилия, просто прикарманили то, что должно было принадлежать моему другу.

Кроме гарсонки. Этот кусочек жилой площади стал костью в горле новых хозяев дома. Первые бои перешли в позиционную войну в пражских судах. Конфликт то затухал, то вспыхивал с новой силой, в основном провоцируемый Адольфом, который никак не мог простить такого коварства бывших соседей.

Их можно было понять. Не обладая такими финансовыми возможностями, как мой друг, они боялись, что здание отойдет ему в единоличное пользование, что, собственно, и входило в планы Адольфа. Вот и воспользовались его долгим отсутствием и поддержкой банка. Как результат – Адик остался на обочине, а дом не лучшим образом выделялся среди соседей, так как денег на его ремонт просто не хватало.

Имея плацдарм, Адольф вел бои местного значения. Переоборудовал гарсонку, возведя душевую и туалет, заселил подружку. Последнее было опрометчивым поступком, так как дама вскоре Адольфа покинула, оставив внушительный счет за электричество, естественно, не уплаченный.

Противник, как ни старался, не мог выбить Адика с его позиций, так как суд постановил, что гарсонка является собственностью Адо, без права наследования, до конца его дней. И Адик решил продать ее мне. Нет, не по рыночной стоимости, а за крону, чтобы я продолжил его борьбу. Но тут выяснилось, что провести эту аферу без согласия владельцев дома невозможно. Для Адольфа это был удар ниже пояса.

Лето пролетело быстро, и к осени я переехал в центр города, оставив гарсонку с ее коммунальными проблемами. Но Адо дал последний и решающий бой. Он поселил в гарсонке своего знакомого бездомовца Йирку. Всю зиму тот обогревался, воруя электричество. Когда я посетил это поле битвы, покинутое последним защитником, то обнаружил даже следы костра. Так что победители должны благодарить Бога, что не лишились всего имущества в борьбе за крохи.

Новый год, новые заботы и мы как-то забыли о гарсонке и войне за ее независимость. Потом ушел из жизни Адольф. Я случайно оказался рядом с этим домом много лет спустя. Все те же облупившиеся рамы и фасад, только стекла вымыты чьей-то заботливой рукой.

Может, и гарсонки уже нет. Все можно перестроить. Было бы время и желание. Желание и время. Ну и деньги.

Йирка

От бездомовца Йирки никогда не исходил характерный для этой группы людей запах. Вообще, что он ночует где придется, и даже на улице, мне рассказал Адольф, мой старый друг. Их с Йиркой связывала какая-то непонятная дружба и деловые отношения. Что могло быть общего у бездомовца и хозяина большого дома в престижном районе вилл Прага 6, мне долго было не понятно.

Я познакомился с Йиркой на террасе небольшой распивочной, что была рядом с торгово-культурным центром Ханспаулки. Ну, это я, конечно, перегнул, так как центр состоит из небольшого магазина Tesco и ресторации с большой заградкой. Заградкой в Праге зовется все, где можно на свежем воздухе посидеть и выпить кружечку пива. Главной «фишкой» упомянутой ресторации было традиционно чешское блюдо «колено», но не буду отвлекаться.

Мы сидели за длинным столом, под навесом, большой разношерстной компанией. Владелец дома стоимостью миллион евро, его гость из далекой северной страны, рабочий-украинец, бывший полицейский, уволенный со службы за пьянство, Йирка в рабочей робе муниципальных уборщиков, пожилой мужик в ковбойской шляпе и трубкой в зубах, с двумя крупными собаками, и еще несколько человек, которые незаметно менялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.